

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-3-107-112
УДК 343.1

Дата поступления статьи: 5/IX/2018
Дата принятия статьи: 22/IX/2018

К. А. Савельев, Е. А. Трещева

ДОЗНАНИЕ КАК ИЗЛИШНЕЕ ЗВЕНО ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

© **Савельев Константин Анатольевич (konsav67@gmail.com)**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, **Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева**, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Обеспечение права обвиняемого на защиту на этапе окончания предварительного расследования». Автор и соавтор более 40 научных работ. В соавторстве написаны учебники «Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики», «Уголовный процесс», практикум по уголовному процессу.

Область научных интересов: принципы судопроизводства, доказывание по уголовным делам, пересмотр приговоров.

© **Трещева Евгения Александровна (eatreshheva@yandex.ru)**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, **Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева**, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Субъекты арбитражного процесса». Автор и соавтор 84 научных работ, в том числе 3 монографий.

Область научных интересов: уголовный процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены проблемы современного положения предварительного расследования. Обоснована избыточность дознания как лишнего звена отечественного уголовного процесса, копирующего предварительное следствие. Указано на отсутствие в процессуальной форме дознания преимуществ, оправдывающих его дальнейшее существование. Попытка введения в уголовный процесс упрощенного дознания как способа процессуальной экономии также не оправдалась в связи с проблемами доказывания. Подвергнуты критике предложения о переходе отечественной модели предварительного расследования на негласное «полицейское дознание» при полном отказе от предварительного следствия, так как сторона защиты и потерпевший устранились от доказывания в досудебном производстве. Предложено основывать предварительное расследование на сочетании непроцессуального «полицейского дознания» с предварительным следствием. При этом по делам об очевидных преступлениях при согласии участников дела представляется возможным решение вопроса о передаче дела в суд, минуя следствие. По сложным делам при волеизъявлении потерпевшего или защиты должно производиться предварительное следствие, основанное на независимости следователя.

Ключевые слова: начальник органа дознания, прокурор, начальник, подразделения дознания, полномочия, дознаватель.

Цитирование. Савельев К. А., Трещева Е. А. Дознание как излишнее звено отечественного уголовного процесса // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 3. С. 107–112. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-3-107-112>.

K. A. Savelev, E. A. Treshcheva

INQUIRY AS AN UNNECESSARY LINK IN THE DOMESTIC CRIMINAL PROCESS

© **Savelev Konstantin Anatolyevich** (konsav67@gmail.com), Candidate of Legal Sciences, associate professor, head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Ensuring the right of the accused to the defense at the end of the preliminary investigation». Author and co-author of 40 scientific papers. In coauthorship wrote textbooks «Criminal Procedure Law. Topical issues of theory and practice», «Criminal Procedure», workshop on the criminal process.

Research interests: principles of legal proceedings, proof in criminal cases, review of sentences.

© **Treshcheva Evgenia Alexandrovna** (eatreshheva@yandex.ru), Doctor of Law, professor, professor of the Department of Civil Procedure and Business Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Subjects of the arbitration process». Author and co-author of 84 scientific papers, including 3 monographs.

Research interests: criminal procedure, civil procedure, arbitration process.

ABSTRACT

The article deals with the problems of current situation of preliminary investigation. The redundancy of inquiry as an unnecessary link of domestic criminal process, copying the preliminary investigation, is substantiated. It is indicated that there is no advantage in the procedural form of inquiry justifying its continued existence. The attempt to introduce a simplified inquiry into the criminal process as a method of procedural economy was also not justified due to the problems of proof. The proposal to transfer the domestic model of preliminary investigation to the unspoken “police inquiry” with the full refusal of the preliminary investigation, as the defense and the injured were removed from the evidence in pre-trial proceedings was criticized. It was proposed to base a preliminary investigation on the combination of a non-procedural “police inquiry” with a preliminary investigation. At the same time, in cases of obvious crimes, with the consent of the participants in the case, it is possible to resolve the issue of transferring the case to court bypassing the investigation. In complex cases, upon the will of the victim or the defense, a preliminary investigation should be made based on the independence of an investigator.

Key words: head of body of inquiry, prosecutor, head of division of inquiry, powers, investigator.

Citation. Savelev K. A., Treshcheva E. A. *Doznanie kak izlishnee zveno otechestvennogo ugovnogo protsessa* [Inquiry as an unnecessary link in the domestic criminal process]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, Vol. 4, no. 3, pp. 107–112. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-3-107-112> [in Russian].

Среди актуальных проблем затянувшейся на десятилетия реформы российского предварительного расследования выделяется вопрос о сущности дознания. Превратившееся из внепроцессуальной деятельности по установлению признаков преступления (ст. 252 УУС 1864 г.) и выяснению имеющихся сомнений (ст. 253 УУС 1864 г.) в факультативный способ расследования малозначительных и очевидных преступлений (УПК РСФСР 1923 г.), в настоящее время дознание стало полноценной формой предварительного расследования.

В рамках дознания расследуется значительная часть уголовных дел (ч. 3 ст. 150 УПК РФ), при этом дознаватели пользуются теми же процессуальными средствами, что и следователи. Они вправе производить все следственные действия, избирать меры пресечения, а также принимать предусмотренные процессуальным законом решения. Выступая со стороны обвинения, дознавате-

ли, так же как следователи, обязаны установить обстоятельства дела (ст. 73 УПК РФ), после чего формируют обвинение (ст. 225 УПК РФ), определяя тем самым границы судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ). Неразрывность обоих способов расследования подчеркивается одинаковым запретом на самостоятельное производство оперативно-розыскных мероприятий (пп. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ; ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

Общность целей и средств их достижения в рамках дознания и предварительного следствия позволяет сделать вывод об их процессуальном единстве. Все имеющиеся различия этому выводу не противоречат; разница в объеме процессуальной самостоятельности дознавателя и следователя, сроках расследования, принципиального значения не имеет.

Изначально современное дознание включало в себя некоторые черты упрощенного производства:

– уголовные дела возбуждались только в отношении конкретных лиц (ч. 1 ст. 223 УПК РФ в ред. 2001 года);

– срок расследования составлял 15 суток; продлевался прокурором не более чем на 10 суток (ч. 2 ст. 223 УПК РФ в ред. 2001 года);

– заключение подозреваемого под стражу производилось не более чем на 10 суток (ч. 2 ст. 224 УПК РФ в ред. 2001 года).

Таким образом, дознание осуществлялось по делам об очевидных преступлениях, когда известен подозреваемый, и в крайне ограниченные сроки. Все эти особенности дознания исчезли из уголовно-процессуального законодательства очень быстро. Уже Законом от 04.07.2003 срок дознания был увеличен до 20 дней, а Закон от 06.06.2007 не только предусмотрел повышение сроков дознания до 30 суток, но и установил возможность их продления до 12 месяцев (ч. 5 ст. 223 УПК РФ в ред. 06.06.2007).

Одновременно с этим законодатель ввел в дознание «эрзац-обвинение» – институт Уведомления о подозрении в совершении преступления (ст. 223¹ УПК РФ в ред. 06.06.2007). При этом устанавливались основания уведомления, определяемые как достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении преступления; процессуальная форма уведомления и обязанности дознавателя по вручению уведомления подозреваемому и прокурору. Хотя на дознании обвинения не предъявляется, следствием реформы 2007 года стало появление там идентичных предварительному следствию форм и методов. Так как существенная разница между правами подозреваемого и обвиняемого в настоящее время отсутствует, введение на дознании аналога института предъявления обвинения окончательно стерло процессуальную разницу между дознанием и предварительным следствием. С этого времени дознание не является упрощенной формой расследования.

Обособление дознания как самостоятельной формы расследования не может быть объяснено и административными причинами. Дознание длительное время использовалось как способ снять с предварительного следствия нагрузку по расследованию очевидных и малозначительных преступлений. Это достигалось путем привлечения в качестве дознавателей лиц без профильного юридического образования, действовавших под руководством своего начальника и прокурора. Именно поэтому уголовно-процессуальный закон всегда устанавливал минимальный объем гарантий процессуальной самостоятельности дознавателей – он соответствовал их невысокой квалификации.

В настоящее время подготовка дознавателей ничем не отличается от таковой у следователей; например, Приказ МВД РФ от 1 февраля 2018 года № 50 «Об утверждении порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» предусматривает одинаковые требования к наличию высшего юридического образования как у следователя, так и дознавателя. Аналогичные правила существовали и ранее.

В связи со сказанным, возникает вопрос об обоснованности существующих ограничений процессу-

альной самостоятельности дознавателя. При производстве дознания указания прокурора и начальника органа дознания обязательны, их обжалование не приостанавливает исполнения (ч. 4 ст. 41 УПК РФ). Это имело смысл, когда дознаватели не обладали необходимым образованием и были вынуждены работать под «прямым» руководством начальника и прокурора. Тогда точное исполнение их указаний являлось залогом законности дознания. Сейчас же дознаватели имеют ту же подготовку, что и следователи; поэтому формальное вмешательство в их процессуальную деятельность стало излишним.

Обязанность дознавателя выполнять все указания прокурора и начальника органа дознания противоречит ч. 1 ст. 17 УПК РФ – дознаватель обязан оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на законе и совести. Выполняя обязательные указания, дознаватель действует вопреки внутреннему убеждению, основывая процессуальные действия и решения на предписаниях должностных лиц, которые не принимали уголовное дело к своему производству и не несут за него ответственности. Существующая ситуация создает и другую опасность: являясь процессуально зависимыми лицами, дознаватели оказываются уязвимы для внепроцессуального воздействия. Дознавателю сложно не принять во внимание пожелания лиц, которые могут дать ему обязательные указания по любому делу (ч. 4 ст. 41 УПК РФ), отстранять его от расследования (подп. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), отменить вынесенные дознавателем постановления (подп. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Поэтому трудно отрицать негативные последствия несамостоятельности дознавателя в уголовном судопроизводстве. Излишнее усложнение процессуальной формы дознания вызвало появление в уголовном процессе нового участника – начальника органа дознания (ст. 402 УПК РФ), который дополнил обладавшего многими схожими полномочиями начальника подразделения дознания (ст. 401 УПК РФ). На необходимость появления посвященной этому субъекту уголовного процесса правовой нормы указывал ряд авторов [1]. Уже на самых ранних этапах своего действия эта норма вызвала теоретические и практические проблемы: ведомственное руководство дознавателями осуществляется двумя субъектами, полномочия которых не дифференцированы. Поэтому в литературе появились предложения о законодательном совершенствовании ст. 401 и ст. 402 УПК РФ в целях определения границ полномочий каждого из этих участников [2]. Согласиться с этим нельзя, так как введение в дознание новых участников, дублирующих уже существующих, расширяет и без того излишний контроль действий дознавателя. Представляется возможным полностью отказаться в уголовном процессе от фигуры начальника органа дознания, ограничившись начальником подразделения дознания. В случае отсутствия подразделения дознания эти функции по должности мог бы исполнять начальник соответствующего органа.

Единство процессуальной формы доказывания, целей и средств их достижения при дознании и предварительном следствии позволяют сделать вывод о необходимости приведения к единому образцу и процессуального статуса уполномоченных

на их производство лиц. Если процессуальная самостоятельность необходима следователю – она требуется и дознавателю. Значит, и средства надзора за законностью их действий, при сохранении существующего положения, должны быть едины [3]. Нет насущной необходимости и в других чертах, отличающих дознание от следствия:

- процедура предъявления обвинения проработана лучше, чем уведомление о подозрении, и создает больше гарантий защиты прав участников процесса;

- отказ от предоставления статуса обвиняемого до окончания дознания не влечет существенной процессуальной экономии в расследовании;

- отсутствие подробной регламентации окончания расследования ведет к применению в дознании положений гл. 30 УПК РФ, определяющей завершение предварительного следствия;

- содержание обвинительного акта мало отличается от обвинительного заключения.

Как отмечает Н. С. Манова, о дифференциации форм досудебного производства можно говорить лишь тогда, когда имеются существенные особенности, т. е. качественные отличия в форме уголовно-процессуальной деятельности [4]. Такие качественные отличия между дознанием и следствием в советский период были выражены слабо [5]; в настоящее время их нет. В результате длительных реформ дознание стало ухудшенной копией предварительного следствия. Дальнейшее сохранение действующей модели дознания представляется нецелесообразным.

Попыткой вернуться к концепции дознания как упрощенной формы расследования представляется стремление законодателя ввести институт сокращенного дознания (гл. 321 УПК РФ). На это указывают:

- сужение предмета доказывания. Выясняются только обстоятельства события преступления, виновности лица в его совершении и причиненного вреда (ч. 1 ст. 2265 УПК РФ);

- ограничение доказывания следственными или процессуальными действиями, без которых возможна утрата следов преступления (ч. 2 ст. 2265 УПК РФ);

- возможность использования в доказывании материалов проверки оснований к возбуждению дела, если они не оспариваются сторонами (ч. 3 ст. 2265 УПК РФ).

По мнению законодателя, основанием для применения такого упрощенного порядка должно стать ходатайство подозреваемого в совершении преступления небольшой и средней тяжести, входящего в перечень подп. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, который признает свою вину.

Между тем сокращенное дознание содержит в своей конструкции целый ряд противоречий, которые способны негативно повлиять на будущее этой формы расследования. К ним относится требование обеспечить правильное установление обстоятельств дела с использованием ограниченных процессуальных средств доказывания. Хотя законодатель и ограничил круг обстоятельств, подлежащих установлению по делу, они остались доста-

точно широкими. Дознаватель остался обязанным установить главный факт предмета доказывания. Несмотря на отсутствие нормативных указаний, подлежат также установлению обстоятельства, необходимые для назначения наказания: характеризующие личность подозреваемого, смягчающие или отягчающие его ответственность или влекущие за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Без этого суд не сможет вынести приговор по уголовному делу. Решение столь обширной задачи требует соответствующих ей средств, а именно – надежных средств доказывания.

При этом законодатель предусмотрел использование в доказывании комплекса процессуальных и непроцессуальных действий, в котором преимущество имеют материалы проверки оснований возбуждения уголовного дела. Следственные действия проводятся только в проверочных целях при возражениях участников против непроцессуальных сведений или для закрепления невосполнимых доказательств (ст. 2265 УПК РФ). Итак, производство следственных действий ставится в зависимость от позиции сторон, которые по своему усмотрению решают вопрос об оспаривании материалов проверки оснований к возбуждению дела. Против этого возражает В. Ю. Мельников: «Дознаватель, будучи лицом, процессуально самостоятельным (ч. 3 ст. 41 УПК РФ), не должен ориентироваться только на позицию подозреваемого, его защитника, потерпевшего или его представителя» [6]. Соглашаясь с этим в целом, необходимо отметить недостижимость данной задачи. Достоверное установление обстоятельств дела вне зависимости от позиции потерпевшего и защиты требует от дознавателя выполнения следственных и процессуальных действий в полном объеме. В этом случае пропадает смысл сокращения дознания.

Вызывает сомнения и сама законодательная конструкция ч. 4 ст. 2265 УПК РФ, допускающая замену доказательств «сведениями... в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам». О несоответствии имеющихся по делу сведений требованиям, предъявляемым к доказательствам, дознаватель или суд могут узнать слишком поздно, когда возможность производства соответствующих следственных действий уже утрачена. Более того, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Такое ходатайство подлежит удовлетворению лицом, в производстве которого находится уголовное дело (ч. 3 ст. 2263 УПК РФ). При дознании в общем порядке непроцессуальные сведения утрачат свое значение. Вследствие этого дознаватели заинтересованы в производстве полноценного дознания без предусмотренных законом сокращений.

Представляется нежизнеспособной сама идея конструирования процессуальной деятельности на основе непроцессуальной информации. Резуль-

татом ее реализации могут стать только бесконечные ошибки и противоречия, исправление которых бессмысленно.

Выходом из сложившейся ситуации может быть только кардинальное размежевание дознания и следствия по признаку наличия или отсутствия процессуального компонента в их деятельности. Дознание изначально носило характер административно-полицейской деятельности, не связанной с производством следственных действий. В противоположность этому предварительное следствие всегда носило исключительно процессуальный характер и не могло включать в себя полицейские и оперативно-розыскные функции. Представляется верным и в настоящее время на этой основе разделить следствие и дознание.

В уголовно-процессуальной литературе имели место призывы к полной ликвидации предварительного следствия как пережитка инквизиционного уголовного процесса и замене его полицейским дознанием [7]. С этим согласиться нельзя. Быстрота и эффективность негласных и оперативно-розыскных методов полицейского дознания в непроцессуальной форме должна уравниваться надежностью процессуальных методов собирания доказательств по делам о неочевидных преступлениях. Полный отказ от предварительного следствия по англо-саксонской модели уголовного процесса исключил бы возможность обвинения и защиты участвовать в собирании, проверке и оценке доказательств на этапе досудебного производства. В судебном разбирательстве у сторон отсутствуют многие из тех средств доказывания, которые имеются у следователя. Полицейское дознание также не способно предоставить сторонам возможность полноценного участия в установлении обстоятельств преступления, так как неизбежно носит закрытый, во многом тайный характер. Поэтому отказ от предварительного следствия был бы явным нарушением прав как потерпевшего, так и обвиняемого. Считаю поэтому, что простая замена следственной деятельности полицейским дознанием способна только усилить инквизиционность процесса. Даже в последующем судебном разбирательстве основной массив доказательственной информации будет в этом случае носить инквизиционный характер, так как получен от полиции и без предоставления защите возможности повлиять на его формирование.

Полицейское дознание должно включать в себя все непроцессуальные способы получения информации: оперативно-розыскную деятельность; действия по проверке оснований к возбуждению уголовного дела при появлении повода для этого; производство разнообразных предварительных исследований; получение информации в рамках деятельности полиции (ст. 13 Закона «О полиции»). Дознание должно продолжаться до установления события преступления и лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности за его совершение.

В случае очевидности преступления и отсутствия возражений сторон, представляется возможной передача собранных материалов прокурору для решения вопроса о составлении обвинитель-

ного акта и передаче дела в суд. Такой порядок стал бы эффективным способом процессуальной экономии в случаях, когда отсутствует необходимость в полноценном расследовании.

Если обстоятельства дела полицейским дознанием не выяснены или противоречивы, а также при заявлении сторонами соответствующих ходатайств дознание должно передавать уголовное дело следователю для производства предварительного следствия. В ходе следствия функции дознавателя должны сводиться к выполнению указаний следователя. В свою очередь, следователь, с участием сторон, должен производить следственные и процессуальные действия в целях полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств дела.

Переход к такой процессуальной конструкции требует изменения процессуального положения следователя. Он должен принимать решения на основании внутреннего убеждения. Поэтому следователь должен быть беспристрастен и не может выступать со стороны обвинения; недопустимо его включение в состав органов, имеющих полицейские или обвинительные функции.

Выступая в качестве независимого от обвинения и защиты исследователя, следователь должен быть огражден от воздействия на его действия по расследованию преступлений. Благодаря этому прокурор в целях надзора за законностью должен быть уполномочен отменять незаконные акты предварительного следствия, но не должен давать обязательные указания.

Следователь не должен нести ответственности за результаты расследования, так как противное вынуждало бы его перейти на сторону обвинения. Исходя из этого постулата, итоговые решения предварительного следствия (о прекращении дела или направлении его в суд) должен принимать прокурор, который несет ответственность за поддержание государственного обвинения в судебном разбирательстве. Следует отметить, что нынешнее положение в этой области парадоксально – следователь должен сам решить, достаточно ли собранных им доказательств прокурору для поддержания обвинения или нет!

Вышесказанное позволяет прийти к следующим выводам.

Современное дознание является лишним звеном отечественного уголовного процесса, так как представляет собой ухудшенную копию предварительного следствия. При этом дознание не содержит в своей процессуальной форме никаких преимуществ, оправдывающих его дальнейшее существование. Попытка введения в уголовный процесс упрощенного дознания как способа процессуальной экономии не оправдалась, так как предполагает основывать процессуальную деятельность дознавателей на непроцессуальной информации.

Неосновательными представляются предложения о переходе отечественной модели предварительного расследования на негласное «полицейское дознание» при полном отказе от предварительного следствия. В этом случае сторона защиты и потер-

певший устраняются от доказывания в досудебном производстве. Они также не имеют возможность компенсировать этот недостаток в судебном заседании, так как полноценное производство следственных действий в судебном следствии невозможно.

Предложено основывать предварительное расследование на сочетании непроцессуального «полицейского дознания» с предварительным следствием. При этом по делам об очевидных преступлениях при согласии участников дела представляется возможным решение вопроса о передаче дела в суд минуя следствие. По сложным делам, при волеизъявлении потерпевшего или защиты, должно производиться предварительное следствие. Оно должно иметь процессуальный характер и включать в себя элементы участия сторон в доказывании по делу.

В этих целях должно быть изменено процессуальное положение следователя, который должен получить реальную процессуальную независимость и изменить характер своей деятельности с обвинительной на исследовательскую.

Библиографический список

1. Луковников Г. Д. Начальник органа дознания: уголовно-процессуальные и организационно-управленческие полномочия // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2013. Вып. 1. С. 122–126. URL: <http://ru.economics.vestnik.udsu.ru/archive/show/2-2013-1-22>.
2. Татьяна Д. В. Полномочия начальника органа дознания в свете положений Федерального закона № 440-ФЗ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2016. Т. 16. № 4. С. 36–38.
3. Спиринов А. В. Процессуальная деятельность органов дознания. Есть ли необходимость в «прокурорской опеке»? // Вестник Уральского юридического института МВД РФ. 2016. № 3.
4. Манова Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М.: Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 2005. 443 с.
5. Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. М.: Всероссийский научно-исследовательский институт МВД РФ. 2001. С. 187–405.
6. Мельников В. Ю. Упрощенный порядок дознания. Остались ли вопросы? // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 1. С. 123. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27810186>.
7. Александров А. С., Поздняков М. Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25).
8. Миронова А. В. О проблемах процессуального статуса органов внутренних дел как органов дознания // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 19–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18939465>.
9. Галиахметов М. Р. Начальник органа дознания как участник уголовного процесса // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 217–219.

References

1. Lukovnikov G. D. Nachal'nik organa doznaniia: ugovolno-protsessual'nye i organizatsionno-upravlencheskie polnomochiia [Chief of the agency of inquiry: criminal procedural and organizational and managerial authorities]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law], 2013, vol. 1, pp. 122–126. Available at: <http://ru.economics.vestnik.udsu.ru/archive/show/2-2013-1-22> [in Russian].
2. Tatianin D. V. Polnomochiia nachal'nika organa doznaniia v svete polozhenii federal'nogo zakona № 440-FZ [Powers of a chief of an inquiry body in the light of provisions of the Federal Law no. 440-FZ]. Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo» [Bulletin of the South Ural State University. Series «Law», 2016, Vol. 16, no. 4, pp. 36–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.14529/law160405> [in Russian].
3. Spirin A. V. Protsessual'naia deiatel'nost' organov doznaniia. Est' li neobkhodimost' v «prokurorskoj opeke»? [Inquiry bodies' procedural activity. Is there a need of «prosecutor's custodianship»?]. Vestnik Ural'skogo iuridicheskogo instituta MVD RF [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2016, Vol. 3, pp. 56–61 [in Russian].
4. Manova N. S. Teoreticheskie problemy ugovolno-protsessual'nykh proizvodstv i differentsiatsii ikh form: dis. ... d-ra iurid. nauk: 12.00.09 [Theoretical problems of criminal proceedings and differentiation of their forms: Doctoral of Law thesis: 12.00.09]. M.: Nauchno-issledovatel'skii institut problem ukrepleniia zakonnosti i pravoporiadka pri General'noi prokurature Rossiiskoi Federatsii, 2005, 443 p. [in Russian].
5. Vlasova N. A. Problemy sovershenstvovaniia form dosudebnogo proizvodstva v ugovolnom protsesse: dis. ... d-ra iurid. nauk. 12.00.09 [Problems of improving the forms of pre-trial proceedings in the criminal process: Doctoral of Law thesis: 12.00.09]. M.: Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut MVD RF, 2001, pp. 187–405 [in Russian].
6. Melnikov V. Yu. Uproshchennyi poriadok doznaniia. Ostalis' li voprosy? [Simplified procedure for inquiry. There were questions?]. Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniia [Sustainable development of science and education], 2017, Vol. 1, p. 120–129. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27810186> [in Russian].
7. Alexandrov A. S., Pozdnyakov M. L. Put' institutsional'noi reformy predvaritel'nogo rassledovaniia [The path of institutional reform of the preliminary investigation]. Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, Vol. 1(25), pp. 78–82 [in Russian].
8. Mironova A. V. O problemakh protsessual'nogo statusa organov vnutrennikh del kak organov doznaniia [About the problems of procedure status of organs of internal affairs as organs of inquiry]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2013, no. 2, pp. 19–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18939465> [in Russian].
9. Galiakhmetov M. P. Nachal'nik organa doznaniia kak uchastnik ugovolnogo protsesssa [The chief of the inquiry body as a participant in the criminal process]. Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian Legislation], 2016, Vol. 4, pp. 217–219 [in Russian].